

...Как бы отделившись от плаката, положил на плечо крепкую руку Павка Корчагин. Сверхнули справедливые клинки трех мушкетеров и, скосив озорные глаза, подмигнул Том Соьер. Но даже не будь этого калейдоскопа плакатов, нетрудно было бы догадаться, кому служит сцена. Перед входом стояли дети. Может быть, целый класс. Утреннее представление еще не началось, и за закрытыми стеклянными дверями дремала тишина. Но дети уже были здесь — на такие свидания не опаздывают.

Мы пришли в театр имени Йиржи Волькера, которому исполнилось полвека.

Это, по сути, не возраст. Особенно когда на разных вещах разговор с людьми, которым в начале третьего тысячелетия будет чуть больше двадцати.

— Нет, не возраст. — Заслуженный артист ЧССР Карел Рихтер, улыбувшись, погладил седые виски. — Ну как же, мне было десять, когда довелось сыграть свою первую роль на этих подмостках, а сегодня — уже директор. Быстро все прошло. А если задуматься — целая жизнь! Тогда мы не имели собственного помещения, арендовали сцену на Вацлавской площади. Ходили по центру города с огромными плакатами на шею: «Играем для детей», а для пущей убедительности водили за собой на веревочке маленького забавного ослика. «Реклама» действовала — зритель шел на наши спектакли.

Первые шаги давались нелегко. И дело не в отсутствии «своей» крыши над головой. Театр, а следовательно, и тех, кто стоял у его истоков, в буржуазной Чехословакии обвинили в «большевизации» детей, в распространении «красной пропаганды». Понятно, чем грозили в те годы такие обвинения. И уж совсем вывел из себя надоброжелателей тот факт, что первый в Чехословакии детский театр родился под непосредственным влиянием советской театральной школы.

Можно сказать, начало всему положила встреча группы че-

хословацких драматургов, режиссеров и актеров с Наталией Сац — основоположником и художественным руководителем Московского театра для детей. Советская драматургия заняла прочное и неизменное место в репертуаре. До нацистского вторжения в Чехословакию на детской сцене были поставлены шесть произведений советских авторов. Это требовало от актеров и режиссеров не только профессионализма, но и гражданского мужества.

— Что я могу сказать о Наталии Ильиничне Сац? — Карел Рихтер подбирает нужные слова. — Не умещается она в привычные рамки. Незаурядная личность, блистательный педагог, увлекающий, огнедышащий какой-то человек. Мила Мелланова, основатель нашего театра, вспоминая ту первую встречу, рассказывала мне, какой гипнотической силой убеждения обладает эта женщина, твердо вершая, что сложнейшее, благороднейшее и самое нужное искусство — это искусство воспитания в человеке человека. И начинать надо в детстве. Театр, как ничто другое, создан для такого диалога.

Воспитывать в человеке человека. Дети послевоенной Чехословакии ходили на эти уроки человечности в театр, возродившийся к жизни.

Репетировали денно и нощно, спешили. Первые спектакли в освобожденной Праге — в майские дни сорок пятого. Надо было спешить. Война приглушила в людях способность радоваться и удивляться, ожесточила сердца. Больше других пострадали дети. Но в жестокой битве добро победило зло, восторжествовала справедливость. И надо было убедить людей, надломленных страхом и лишениями, что так есть и будет, отныне и вечно.

— Я встречал советские танки на пражской баррикаде. На броне сидели пропыленные дорогами войны, смертельно уставшие солдаты. Но от этого было в них то самое героическое, мужественное и благородное, что хотим мы видеть и

в них. Надо было найти силы рассказать об этом. Мы черпали их в советской драматургии. — Карел Рихтер листает странички репертуарных планов за прошедшие годы. — Вот, например, «Начинаем жить» по мотивам произведений А. Макаренки. Для нас очень важная постановка, прямо-таки символическая. Потом были «Как закалялась сталь», «Молодая гвардия», «Бумбараш», «Зоя», «Сын полка», «Тимур и его команда». Храним верность избранному пути. И потому — традиции не только вдохновляют, но и обязывают ко многому. Быть честными, принципиальными, смелыми, справедливыми, например. Из прошлого мы перенесли в настоящее и даже заглянули в будущее. Планы, замыслы, репетиции. Труппа работает над пьесой И. Дворецкого «Профессия» Айзека Азимова. Тема непреходящая — место человека в жизни. Пьеса эстонской писательницы М. Карусоо «Мне тринадцать лет» привлекла возможностью взглянуть на окружающий свет глазами ребенка и дать взрослые ответы на детские вопросы.

В кабинете директора на стене портрет молодого человека. Карел Рихтер перехаживает мой взгляд, согласно кивает головой: «Да, это Йиржи Волькер — один из зачинателей революционной социалистической поэзии Чехословакии». Самые прочные творческие связи у пражан с советскими театрами для детей и юношества.

— Вы знаете, когда меня спрашивают, в чем главный смысл нашей работы, я как-то теряюсь. Вот и вы не исключение. Но раз такой интерес, надо отвечать. Пожалуй, так: когда актеры детского театра выходят на сцену, перед ними открывается не зал, а огромное нетронутое поле. Его надо засеять, и обязательно семенами добра и человеколюбия. Эти актеры, в сущности, очень счастливые люди. Еще при их жизни поле дает всходы.

В. ЯРОШЕВСКИЙ,
корр. ТАСС — специально